

11. В качестве примера историк приводит существование на протяжении всего года определенных дней (*feriae*), посвященных богам, предназначенных для обязательного досуга, когда запрещалось всякое изменение природной данности (в том числе и насилие). Автор элиминирует сюжеты миротворения, которые не могут мыслиться вне действий, вне событий.
12. Это представление выразилось в отношении римлян к январским календам, день которых должен был быть заполнен деятельностью, указывающей на то, чем человек будет заниматься и в чем будет добиваться успеха в течение всего следующего года.
13. К примеру, в покоренных городах в большинстве случаев сохранялись культы прежних богов, но в их центре непременно располагался храм трех высших богов Рима.
14. Подосинов, А.В. *Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии [Текст] / А.В. Подосинов. – М., 1999.*
15. Эта уверенность была основана на том, что все сущее имеет тайные и явные закономерности, все взаимопроницаемо и взаимозаменяемо.

В.В. Жарков

ПРОБЛЕМЫ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ РККА В 30-40-е гг.

В статье рассмотрены основные проблемы воинской дисциплины РККА в 30-40-е гг., дана характеристика изменений, произошедших в Красной армии в связи со всплеском нарушений воинской дисциплины; проведен анализ причин, приведших к снижению воинской дисциплины.

V.V. Zharkov

PROBLEMS OF MILITARY DISCIPLINE IN THE RED ARMY IN 30-40-th

In the article the basic problems of military discipline in the Red Army in 30-40th of the XX-th century are considered, the characteristic of the changes which have occurred in the Red Army in connection with splash of infringements of military discipline is given; the analysis of the reasons which have led to the decrease of military discipline is carried out.

В межвоенный период в Красной армии возникла сложная ситуация с воинской дисциплиной.

27 июня 1928 г. Реввоенсовет СССР в своем постановлении, отмечая вполне устойчивое политико-моральное состояние РККА, наряду с этим констатировал наличие в некоторых частях следующих отрицательных явлений: большого количества дисциплинарных проступков, роста коллективных нарушений воинской дисциплины, пьянства, фактов отрыва начсостава от красноармейских масс, недопустимо невнимательного и преступного отношения к материально-бытовым нуждам красноармейского состава, довольно распространенных случаев очковтирательства.

Преобладающими видами нарушений, по мнению начальника ПУРККА Л.З. Мехлиса, являлись перепалки с начальниками, нарушение строевого устава, уставов внутренней и караульной службы, небрежное отношение к сбережению оружия и боеприпасов, самовольные отлучки и дезертирство. Также он отмечал: «В нашу повседневную практику глубоко вкоренился ложный демократизм. Ни одна уважающая себя армия не позволит,

чтобы начальник и подчиненный называли друг друга на “ты”». У нас же вне службы обращение между начальником и подчиненным на “ты” широко распространено и не запрещается. Коммунисты и комсомольцы, а вслед за ними и беспартийные, на собраниях, вне службы часто обращаются друг к другу, независимо от служебного положения, на “ты”. Это снижает требовательность между начальником и подчиненным, культивирует панибратство, от которого лишь один шаг к нарушениям дисциплины и служебного долга. Все эти проявления ложного демократизма идут вразрез с задачами насаждения советской воинской дисциплины. Их нельзя терпеть в гражданских организациях, а тем более в военных» [1].

Увеличило число нарушений дисциплины в армии распространение пьянства, которое до середины 30-х г. в сводках ПУРККА встречалось в несколько раз реже. Так, в политдонесении Политического управления МВО отмечалось: «Значительное усиление пьянства красноармейцев, и в особенности комсостава, проходящего часто при участии членов партии

и имеющего в большинстве случаев безобразные формы, говорит о недостаточной работе по устранению этого явления» [2].

В связи с распространением этого позорного явления нарком обороны в декабре 1938 г. был вынужден издать специальный приказ «О борьбе с пьянством в РККА».

Л.З. Мехлис, выступая на Военном совете в ноябре 1938 г., призывал: «Надо покончить с пьянством среди командно-политического состава. Мы не можем терпеть в своих рядах безнадежных пьяниц, позорящих РККА. Ответственные командиры должны быть примером в этом отношении». В связи с этим было принято решение развернуть пропаганду по вопросам санитарии и гигиены, с указанием, что «хорошо поставленная санитарная пропаганда окажет большую помощь в борьбе с пьянством, за физическую выносливость, ловкость и сноровку».

В своих докладах Л.З. Мехлис постоянно уделял особое внимание борьбе с пьянством. В очередном докладе наркому обороны К.Е. Ворошилову он предлагал: «Нельзя ли пойти немного и по линии зажима торговли водкой в местах, где преимущественно расположены наши части. В селах обильно торгуют вином, других товаров в сельпо гораздо меньше, чем водки. Почему бы не ограничить сельпо в торговле водкой и оставить это дело только в магазинах районных центров. Это, бесспорно, сократит пьянство в частях» [3].

В 1939 г. при инспектировании 3-го корпуса ПВО было выявлено: в 339 полку за 4 месяца 8 пьянок с дебошем; в прожекторном полку за 10 месяцев 45 случаев пьянства и дебошем – 8 случаев; в полку ВНОС – за 9 месяцев 12 пьянок; в 252 артиллерийском полку – за 8 месяцев 32 случая пьянок [4]. Все эти цифры позволяют с уверенностью сказать, что проведенные мероприятия по борьбе с пьянством результатов не дали.

В докладе начальника ПУРККА Центральному комитету ВКП(б) от 23 мая 1940 г. говорилось: «Пьянство продолжает оставаться бичом армии. Особенно безобразные формы принимает пьянство среди начсостава. Командир не считает зазорным появляться в пьяном виде на улице, в парке, театре и кино, что непонятно населению, предъявляющему высокие требования к Красной Армии и ее начсоставу. В ресторанах нередко пьют водку рядом сидящие начальники и красноармейцы» [5].

В сводках ПУРККА чаще стали встречаться донесения о самоубийствах и покушениях на самоубийства; так, по докладу Главного военного прокурора РККА, число самоубийств и покушений на самоубийство в 1938 г. возросло и составило 832 случая, а в 1937 г. их было 782 [6]. И с каждым годом продолжался их рост. Так, в 1939 г. число самоубийств достигло 1171.

После роста количества самоубийств и покушений на самоубийство военнотружущих военнополитическим руководством страны было принято решение об изучении этой проблемы. ПУРККА, проведя анализ, определило причины роста количества самоубийств и покушений на самоубийства: «Борьба с самоубийствами в РККА ведется недостаточно. В особенности недостаточна работа и борьба с этим явлением со стороны партийных организаций. Парторганизации не знают настроения отдельных партийцев, их личных переживаний и волнующих вопросов. Недостаточна работа политаппарата по охвату общественным и политическим влиянием всех военнотружущих, в частности, недостаточно политико-просветительное обслуживание внеслужебного быта начсостава и его семей» [7].

Однако встречались случаи утверждения того, что главные причины лежат не в Красной Армии, а за ее пределами. Так, в резолюции Военнополитического совещания 7-го стрелкового корпуса по докладу прокурора корпуса о самоубийствах за 1928–1929 гг. было записано: «Военнополитическое совещание признает, что общие причины, располагающие к самоубийству, лежат за пределами Красной Армии и требуют серьезного изучения».

По большому количеству самоубийств выделялся Московский военный округ. Основная их причина была связана с недочетами работы отдельных парторганизаций и отдельных лиц начсостава, а также с бюрократическими извращениями, невнимательным отношением к повседневным нуждам, к быту и запросам военнотружущих [8].

В апреле 1939 г. Группа Контроля при СНК СССР при изучении причин самоубийств в Киевском особом военном округе выявила, что за первый квартал в округе произошло 25 самоубийств и 15 случаев покушений на самоубийство. Среди причин основными назывались следующие: болезнь, бо-

язнь уголовной ответственности, нечуткое отношение и незаконные действия командиров, морально-бытовое разложение и т.д.

В особенности в межвоенный период стал заметен рост коллективных нарушений и всяческого рода протестов (голодовок).

Если в 1927–1928 гг. было 25 случаев голодовок, то за зиму 1929 г. – 69 [9]. При анализе этих цифр можно с уверенностью сказать, что в армии с каждым годом увеличивалось недовольство проводимыми военно-политическим руководством страны мероприятиями.

В политдонесении Политического управления МВО за 1929 г. говорилось: «Коллективные нарушения дисциплины и отказ от пищи имеют в своей основе недостаточное и несвоевременное изучение настроений красноармейцев, небрежное отношение начсостава к нуждам последних» [10].

В 1927–1928 гг. число коллективных нарушений в Красной армии составило 442 случая, а в 1928–1929 гг. – 449 случаев. Основными причинами этих нарушений воинской дисциплины стали: во-первых, хозяйственно-бытовые недочеты и недочеты работы начсостава – 61,8% и 62,5% соответственно; во-вторых, повышенная требовательность и отсюда нежелание подчиняться уставному порядку – 38,2% и 37,5% [11].

Начальником ПУРККА Я.Б. Гамарником 8 января 1931 г. в связи с ростом числа коллективных нарушений была издана директива, в которой говорилось: «Не ослабляя борьбы с воинскими преступлениями, бюрократизмом и волокитой, обратить особое внимание на необходимость усиления судебной репрессии по делам о коллективных нарушениях дисциплины...» [12].

В начале 30-х г. в Красной армии произошел рост нарушений воинской дисциплины. Так, например, за январь-март 1931 г. во всех военных округах было зарегистрировано 522 нарушения, из них: самоубийств и покушений на самоубийство – 188; случаев членовредительства – 50; дезертирства – 189; коллективных нарушений – 95.

В сводках ПУРККА стала чаще появляться информация о дезертирстве красноармейцев. За ноябрь-декабрь 1931 г. из 6-ти военных округов бежало – 112 человек, причем большинство – молодые красноармейцы [13]. Также появились сообщения о побегах за

границу. В 1931 г. – 6 случаев (8 участников), а в 1930 г. – 2 случая (2 участника). Из них: в Польшу – 2; в Румынию – 3; в Турцию – 1; в Афганистан – 2 [14].

Для выявления нарушений в частях Красной армии было принято решение об инспектировании подразделений некоторых военных округов в 1931–1932 гг. Так, в постановлении Реввоенсовета «О результатах обследования 1-й Военной школы авиационных техников» было отмечено: «Недопустимо отстает в деле укрепления дисциплины начальствующий состав от переменного состава. Начсостав имеет в 2 раза больше взысканий, чем курсантский состав» или в постановлении от 13 июня 1932 г. «О результатах инспектирования Орловской бронетанковой школы» отмечалось: «Политаппарат и парт-организация не добились должного повышения качества всей работы по политическому и культурному воспитанию курсантов и начсостава. Не ликвидированы имеющиеся среди них нездоровые явления. Дисциплина в школе недостаточна, лишь ряд партийцев и комсомольцев являются примером дисциплинированности» [15]. Практически в каждом из докладов о проведенной проверке отмечалось слабое состояние дисциплины.

Как следствие произошло повышение числа осужденных за воинские преступления. Значительно вырос процент осужденных со сроком от 3 лет и выше, что говорит о том, что правонарушения стали носить все более серьезный характер.

По материалам ПУРККА, в течение 1934 г. (за 10 месяцев) вскрыты факты очковтирательства в 52 частях, из них очковтирательства на инспекторских проверках – в 23 частях [16].

Нередки стали случаи проявления отрицательных настроений и недовольства, так, в 1933 г. был отмечен 346 771 такой случай [17].

Перед руководством РККА встала проблема укрепления воинской дисциплины. Выступая на совещании политсостава в августе 1937 г., начальник Политического управления РККА П.А. Смирнов отметил, что «элементы растерянности захватили некоторую часть руководителей, которые потеряли волю и выпустили вожжи из рук. Есть некоторый упадок дисциплины, много происшествий, аварий, самоубийств, поджогов, увечья людей... Число дисциплинарных проступков очень

велико. С 1 января 1937 г. по 1 мая 1937 г. мы имеем здесь астрономическую цифру – 400 тыс. ...» [18].

Нарком обороны К.Е. Ворошилов, выступая на Всеармейском совещании политработников РККА в апреле 1938 г., констатировал: «Слишком много у нас происходит безобразий с нашей так называемой дисциплинарной практикой. Товарищ Голиков сообщает здесь, что у них 80 тыс. взысканий было за год. Это умопомрачительная цифра, про нее, кроме этого зала, и говорить нельзя – очень позорна эта цифра» [19].

Массовые репрессии среди личного состава РККА нашли свое отражение в морально-психологическом состоянии военнослужащих.

Крайне низкий уровень дисциплины приводил к большим потерям среди военнослужащих в мирное время. Число потерь с каждым годом увеличивалось. Так, если в 1938 г., по РККА, в результате чрезвычайных ситуаций погибло 1 178 человек и было ранено 2 904 человека, то в 1940 г. – 2 921 и 7 127 человек соответственно [20]. Для примера можно привести число аварий и катастроф в ВВС. Если в период с 1 января по 15 марта 1937 г. в ВВС было 7 катастроф и 37 аварий, во время которых погибли 17 человек и были ранены 9, то в 1938 г. за такой же период произошла 41 катастрофа и 55 аварий, в которых погибли 73 и были ранены 22 человека. В «Докладе о состоянии партийно-политической работы в частях и школах ВВС РККА за 1939 г.» отмечалась такая же ситуация: «за период с 1 января по 6 ноября 1939 г. в ВВС произошло 144 катастрофы и 362 аварии, при этом убито 269 человек, получили ранения 103 человека» [21].

В докладе Л.З. Мехлиса «О работе Политического Управления Красной Армии» про состояние дисциплины в РККА говорилось: «В частях имеется немало красноармейцев, которые не поддаются воспитанию, систематически нарушают дисциплину, злобно хулиганят, командиры и комиссары стараются всеми способами сплавить их в другую часть при всяких мероприятиях. В новых частях история с этими людьми повторяется. Они являются главными завсегдаятами гауптвахт» [22]. Дальше в докладе отмечены серьезные недостатки в содержании на гауптвахте: «Во всех армиях содержание на гауптвах-

те является серьезным наказанием. Арестованный содержится в строго регламентированном режиме, после коротких ночных часов голые нары запираются. В особых случаях арестованных содержат на хлебе и воде. У нас гауптвахта не воздействует серьезно на нарушителя дисциплины. На Дальнем Востоке были случаи, когда арестованные красноармейцы отправлялись на всякого рода платные работы в гражданских организациях и после 10–15 дней “пребывания на гауптвахте” возвращались в части с большими заработками. Необходимо издать специальную инструкцию, которая предусматривала бы жесткий режим содержания арестованных на гауптвахте». На самом деле, содержание на гауптвахте не оказывало сильного воздействия на арестованных. Так, красноармеец 207-го горно-стрелкового полка Бушман с гауптвахты пишет своим товарищам: «Это не гауптвахта, а дом отдыха. Стремитесь попасть на гауптвахту. Здесь подъема и голоса “вставай” не услышишь. Сплю, сколько хочется, потом газеты читаешь и идешь играть в шахматы» [23].

К концу 30-х сложилась плачевная ситуация с товарищескими судами: вопросы регулирования их деятельности и должностные обязанности не были четко прописаны. В связи с этим 17 января 1939 г. СНК СССР утвердил Положения «О красноармейских товарищеских судах», «О товарищеских судах младших командиров срочной и сверхсрочной службы», «О товарищеских судах чести командного и начальствующего состава РККА» [24]. Л.З. Мехлис на II партийной конференции центральных управлений НКВД в своем выступлении о товарищеских судах говорил: «Что такое красноармейский товарищеский суд? Что такое товарищеский суд для командиров? Это метод общественного воздействия на того, кто нарушает незыблемые законы Рабоче-Крестьянской Красной Армии, кто нарушает этику взаимоотношений с бойцами, с командирами» [25].

Эти суды являлись общественными организациями для борьбы с дисциплинарными проступками. Но осенью 1940 г. развернулась дискуссия по вопросу целесообразности сохранения в Красной армии товарищеских судов рядового и младшего начсостава срочной службы. Прокуратура СССР считала, что «красноармейские товарищеские суды млад-

ших командиров срочной службы в Красной Армии должны быть упразднены, а все дисциплинарные проступки лиц рядового и младшего начсостава срочной службы ... должны решаться властью командира, в порядке, установленном дисциплинарным уставом». Наркомат обороны в свою очередь стремился сохранить эту организацию армейской общечности. В письме на имя заместителя Председателя СНК СССР Р.С. Землячки Маршал Советского Союза С.М. Буденный отмечал: «Товарищеские суды играют большую положительную роль в том отношении, что суд товарищей пресекает всякие попытки некоторых нарушителей дисциплины ... апеллировать к массам на строгость взыскания». Кроме того, С.М. Буденный обращал внимание и на то, что «в Указе Президиума Верховного Совета ... в качестве наказания за первую самовольную отлучку продолжительностью до двух часов определено предание военному суду» [26]. После таких споров все-таки было решено оставить товарищеские суды красноармейцев и младших командиров срочной службы.

Рост количества чрезвычайных происшествий вызвал появление Приказа Военного совета Киевского особого военного округа № 0105 от 2 июля 1939 г., в котором указывался ряд лиц командного и политического состава, виновных в гибели военнослужащих, преданных суду военного трибунала. В директиве Политического управления Киевского особого военного округа № 0174 от 3 июля 1939 г. отмечался рост самоубийств в частях и соединениях округа. Ответственность по предупреждению самоубийств возлагалась на командный и политический состав. Но, несмотря на приказы и директивы, в частях округа за июль-август покончили с собой 12 военнослужащих [27].

Военно-политическое руководство страны особое внимание уделяло борьбе с антисоветской деятельностью. 1–15 мая 1939 г. зарегистрировано 13 случаев антисоветской деятельности, в том числе: антисоветской агитации – 1; распространения контрреволюционных листовок, лозунгов и надписей – 3 и 1 случай вредительства. Так, типичным примером антисоветской деятельности стало дело красноармейца 38-го артиллерийского полка 82-й стрелковой дивизии Уральского военного округа Пеленова, кото-

рый агитировал: «За границей рабочие живут лучше. Там нет безработицы. Фашистский строй стремится улучшить положение рабочих путем агрессивных планов. В СССР рабочих эксплуатируют, колхозники на старости лет не обеспечиваются». Другой красноармеец заявлял: «Не будь я военный, сидел бы где-нибудь в городе и плевал на все» [28].

Однако самое большое число нарушений воинской дисциплины встречалось в период ведения боевых действий, когда появлялись новые дисциплинарные проступки (мародерство, барахольство, самочинные расстрелы), которые в мирное время не упоминались.

В определенной мере характеризует состояние воинской дисциплины уголовная статистика. Если всех осужденных военным трибуналом в период боев у озера Хасан (июль-сентябрь 1938 г.) принять за 100%, то доля различных преступлений составит: побег с поля боя – 35%; самовольное оставление части – 7%; нарушение караульной службы – 8%; неисполнение приказа – 5%; халатность и злоупотребления – 14%; контрреволюционная агитация – 9%; прочие дела – 22%.

По ним к расстрелу были приговорены 58% красноармейцев, осуждены на срок от 5 до 10 лет лишения свободы 23%, от 3 до 5 лет – 15%, осуждены условно – 2% и оправданы 2% подсудимых [29].

Так, в донесении начальника ПУРККА от 16 июля 1939 г. о ходе боев у реки Халхин-Гол говорилось: «В прибывшей 82 стрелковой дивизии отмечены случаи крайней недисциплинированности и преступности... Личный состав исключительно засорен и никем не изучен, особенно оказался засоренным авангардный полк.... В этом полку зафиксированы сотни случаев самострела себе руки».

Этих постыдных действий было значительно больше, что признавалось официально: часть стремящихся таким путем уклониться от боевых действий просто не была выявлена среди раненых, другая часть, после профилактических дисциплинарных бесед, отправлялась назад в подразделения. С 31 мая по 13 сентября ежедневно военная прокуратура заводила до 17 дел по фактам членовредительства.

Кроме того, из 77 человек, побывавших в плену у японцев, было предано суду военного трибунала 36, из них приговорено: к

высшей мере наказания (расстрелу) – 4 человека; к 10 годам лишения свободы – 17 человек; к сроку от 5 до 8 лет – 12 человек; оправданы – 3 человека [30].

Одним из наиболее распространенных нарушений воинской дисциплины являлись негативные высказывания как командного состава, так и красноармейцев. Так, в ходе боевых действий на Халхин-Голе отмечены следующие высказывания: «Наших бьют, так как никогда не били, уничтожили целую пехотную дивизию, а среди наших командиров оказалось много предателей ... не враги ли народа ведут нас сюда, уж больно много их расплодилось» [31].

Встречались случаи позорного бегства с поля боя, например, в донесении от 16 июля 1939 г. отмечалось: «Полк в первый день боя поддался провокационным действиям и позорно бросил позиции, перед этим предательски попытались перестрелять комполитсостав бойцы этого полка». Нередки были случаи побега с поля боя за границу с оружием. Например, 12 июня 1939 г. водитель машины отдельного противотанкового дивизиона 39-й стрелковой дивизии красноармеец П.А. Зимин совершил побег в Манчжурию с оружием. Перед своим побегом он говорил: «Лучше идти работать, чем заниматься политзанятиями ... Сейчас нас кормят, одевают и обувают хорошо. Готовят из нас пушечное мясо» [32]. 14 июня 1939 г. красноармеец 2-й роты 100-го отдельного пулеметного батальона Благовещенского укрепленного района Г.П. Языков совершил побег в Манчжурию [33]. Красноармеец М.Ф. Шахов 12 июля перешел на сторону японцев с контрреволюционной листовкой, сброшенной с самолета, сдал японцам ручной пулемет. В плену разглашал военную тайну, фотографировался для газеты «Харбинское время», всячески критиковал партию, советскую власть, политруков, порядки в Красной армии [34]. Всего в донесении ПУРККА отмечался 31 такой случай.

Одним из положительных моментов стала работа по повышению авторитета командиров, в частности младших командиров, составлявших самую многочисленную часть командного состава. В директиве ПУРККА № 103 от 28 сентября 1938 г. подчеркивала важность воспитания военных кадров, поднятия авторитета командиров, способных в любых условиях принять правильное решение и

претворить его в жизнь. «Без этого, – говорилось в директиве, – нет и не может быть дисциплины в Красной Армии» [35].

Для укрепления воинской дисциплины и активизации работы по должному воспитанию личного состава Президиум Верховного Совета СССР 3 января 1939 г. утвердил текст новой присяги и нового положения о порядке ее принятия. Согласно этому положению воины принимали присягу не коллективно, как это было раньше, а индивидуально. Такой порядок повышал личную ответственность каждого военнослужащего за выполнение его обязанностей.

В пропаганде военной присяги, разъяснении ее значения много сделала центральная и окружная печать, на страницах которой систематически публиковались специальные статьи, консультации, ответы на вопросы красноармейцев. Так, в газете «За Родину» была выделена рубрика «Беседы о военной присяге», например, 8 февраля 1939 г. в статье «Свято блюсти революционную воинскую дисциплину» было напечатано: «Принимая военную присягу на верность Советской Родине, своему народу и Рабоче-Крестьянскому правительству, воин Красной Армии поклянется быть дисциплинированным, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников. Красная Армия является единственной в мире, в которой дисциплина является сознательной, вытекающей из характера и природы нашей армии, из служения нашего красноармейца и командира кровным интересам своего великого народа» [36]. Для пропаганды присяги были выпущены специальные лозунги: «Кто не помогает всецело и беззаветно Красной Армии, не поддерживает изо всех сил порядка и дисциплины в ней, тот предатель и изменник», «Воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии всюду должен давать пример дисциплины, организованности и культуры» [37].

В «Красной звезде» от 11 января 1939 г. был напечатан текст песни Лебедева-Кумача «Песня о присяге» [38]. ПУРККА рекомендовало напечатать эту песню во всех окружных и дивизионных газетах [39].

Большое внимание уделялось разъяснению личному составу Закона о всеобщей воинской обязанности, принятого IV сессией Верховного Совета СССР 1 сентября 1939 г.,

Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за самовольные отлучки и дезертирство».

В Красной армии сложилась такая ситуация, при которой необходимо было срочно принимать меры по укреплению воинской дисциплины. Начальник ПУРККА в своем докладе ЦК ВКП(б) заявлял: «Отрицательно сказывается на дисциплине отсутствие Дисциплинарного устава, отвечающего современным задачам армии. В 1935 г. переиздан Дисциплинарный устав, введенный в 1925 г. за подписью Бубнова. Этот Дисциплинарный устав давно устарел и является прошлым днем Красной Армии».

В связи с этим в октябре 1940 г. вышел новый Дисциплинарный устав. При его составлении были учтены коренные изменения. В нем следующим образом определялась сущность дисциплины: «Советская воинская дисциплина есть знание и строгое соблюдение установленного в Красной Армии порядка, основанного на законах Советского правительства и воинских уставах, регламентирующих жизнь, быт и боевую деятельность войск».

В новом Дисциплинарном уставе излагались требования, предъявляемые к каждому военнослужащему, и определялись права и обязанности красноармейцев и командиров (начальников) по укреплению воинской дисциплины.

В предвоенный период произошел всплеск нарушений воинской дисциплины. Этот всплеск был связан

- во-первых, с массовыми репрессиями, которые породили в стране обстановку недоверия, боязни за себя и за жизнь своих родных и близких. Создание атмосферы «классовой» нетерпимости и всеобщей подозрительности предшествовало развертыванию репрессий против командного и политического состава РККА. В этой ситуации основное предназначение политработников стало сводиться к тотальному контролю над политической деятельностью, а уже потом к воспитанию;
- во-вторых, с тем, что командно-принудительные методы стали самодовлеющими (меры принуждения стали преобладать над методами убеждения). Необходимо отметить, что навести порядок в подразделении силами только воспитательной работы или только средствами принуждения невозможно. Основной проблемой стал жесткий дисциплинарный стиль, который предполагался административно-командной системой, возводивший насилие в абсолют;
- в-третьих, с неправильной системой воспитательной работы, которая зачастую подменялась политической агитацией и пропагандой решений партии и советского правительства.

Примечания

1. Известия КПСС. – 1990. – № 3. – С. 200.
2. Российский государственный военный архив (далее РГВА). – Ф. 9. – Оп. 13. – Д. 644. – Л. 2.
3. Там же. – Оп. 29. – Д. 375. – Л. 60.
4. См.: РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 49. – Л. 203.
5. Известия КПСС. – 1990. – № 3. – С. 200.
6. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 433. – Л. 204.
7. Там же. – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 4206. – Л. 16.
8. Там же. – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 4206. – Л. 17.
9. Там же. – Оп. 29. – Д. 12. – Л. 259.
10. Там же. – Оп. 13. – Д. 644. – Л. 2.
11. Там же. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 12. – Л. 258.
12. Там же. – Д. 14. – Л. 19.
13. Там же. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 14. – Л. 3.
14. Там же. – Оп. 36. – Д. 4209. – Л. 2.
15. См.: Там же. – Л. 295.
16. См.: Там же. – Д. 12. – Л. 37.
17. Там же. – Д. 178. – Л. 27.
18. См.: Сувениров, О.Ф. Всеармейская трагедия [Текст] / О.Ф. Сувениров // Военно-исторический журнал. – 1989. – № 3. – С. 43.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). – Ф. 74. – Оп. 2. – Д. 119. – Л. 32.

20. См.: Сувениров, О.Ф. Всеармейская трагедия [Текст] / О.Ф. Сувениров. – С. 44.
21. См.: Канун и начало войны: Документы и материалы. – Л., 1991. – С. 300.
22. Известия ЦК КПСС. – 1990. – №3. – С. 200.
23. Там же. – С. 201.
24. См.: Военно-исторический журнал. – 1968. – № 6. – С. 34.
25. См.: Партийно-политическая работа в РККА. – 1938. – № 13. – С. 24.
26. Известия КПСС. – 1990. – № 3. – С. 199.
27. См.: Там же. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 14. – Л. 258.
28. Там же. – Д. 394. – Л. 347.
29. Шишлов, А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов [Текст] / А.В. Шишлов. – М., 2001. – С. 497.
30. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 505. – Л. 320.
31. Там же. – Л. 255.
32. Там же. – Д. 394. – Л. 116.
33. Там же. – Л. 146.
34. Там же. – Д. 433. – Л. 206.
35. Там же. – Д. 351. – Л. 45.
36. Григорьев, М. Свято блюсти революционную воинскую дисциплину [Текст] / М. Григорьев // За Родину. – 1939. – 2 февраля. – С. 3.
37. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 40. – Д. 60. – Л. 30-32.
38. См.: Красная звезда. – 1939. – 11 января. – С. 1.
39. См.: РГВА. – Ф. 9. – Оп. 40. – Д. 60. – Л. 90.

А.А. Иванов

ПРИЧИНЫ УЧАСТИЯ СОВЕТСКИХ СПЕЦСЛУЖБ В «КРАСНОМ» ТЕРРОРЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена выявлению причин участия советских органов государственной безопасности в репрессивной политике РСФСР периода Гражданской войны и иностранной интервенции посредством анализа основ организационного строительства контрразведывательных служб Красной армии.

A.A. Ivanov

THE REASONS OF PARTICIPATION OF THE SOVIET SPECIAL SERVICES IN "RED" TERROR IN DAYS OF THE CIVIL WAR

The article is devoted to revealing the reasons of Soviet state security structures' participating in repressive policy of the RSFSR during the Civil War and international intervention by means of analyzing the principals of the Red Army's counterintelligence organization.

Гражданская война в России представляла собой сложный и многогранный феномен, повлекший разрушение ранее существовавшего государственного устройства, с одной стороны, и целую комбинацию новых социокультурных процессов – с другой. Раскол страны в условиях образовавшегося вакуума легитимной власти привел к перерастанию политического конфликта между приверженцами большевиков и их противниками в военное противостояние, ареной которого стала вся Россия. Это противостояние носило ожесточенный характер и реализовывалось в разно-

образных формах, одной из которых стал массовый террор по отношению к идейным врагам, их сторонникам и даже мирному населению, пассивному к вооруженной борьбе.

Среди историков до сих пор нет единого мнения о причинах и истоках этого явления. В советское время определенной доминантой для отечественных ученых был постулат В.И. Ленина о вынужденном характере «красного» террора, являвшегося ответной мерой на начало «белого» террора, корни которого были сокрыты в нежелании контрреволюционных групп населения признать ито-